

О. Н. Мухин

РОЛЬ ПЕТРОВСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рассматривается первая форма внедрения европейского образования, введенная Петром I, – отправка русских учеников за рубеж. Приводятся мнения о результативности этой политики, высказывавшиеся как современниками, так и исследователями. Результаты обучения «волонтеров» оцениваются с точки зрения их влияния на протекание модернизационных процессов в России Нового времени. Используются ранее не публиковавшиеся архивные материалы.

Ключевые слова: петровская эпоха, образование, реформы, модернизация, элита.

Образовательная политика Петра I редко становится объектом специального рассмотрения. Как правило, исследователи уделяют ей внимание в рамках более общих работ, посвященных истории отечественного образования либо отдельных образовательных структур. При этом важность обращения к этой составляющей петровских преобразований помимо иных причин вызвана ее тесной связью с отечественными процессами модернизации в Новое время.

Первой формой притока в России европейского образования стала отправка за границу «волонтеров» для приобретения разного рода знаний, но прежде всего практических навыков. Эта практика крайне противоречиво оценивалась как современниками, так и исследователями. Часть зарубежных историков вслед за И.-Г. Фокероддом считают, что посылка учеников за границу в начале царствования Петра свидетельствовала о его тогдашней наивности, проявившейся в надежде на то, что москвиты могут приобщиться к просвещению в Европе без появления современной образовательной системы в самой России [1, с. 131; 2, с. 91–92].

Другие, как, например, С.Р. Томпкинс, считают, что это была временная мера, предшествовавшая развитию школ в России. Некоторые (А. Вучинич) настаивают на глупости такой попытки создать образованный класс, пропустив небольшой сегмент русского населения через контакты с Европой.

Более взвешенно рассуждает П. Дьюк: так как модернизация флота и индустриального производства требовала людей того типа, которого России отчаянно не хватало, многие молодые люди из России были посланы за границу, дабы закрыть эту брешь, и, напротив, большое количество иностранных экспертов было привезено в Россию, но так или иначе решение образовательных проблем России зависело от создания адекватной местной школьной системы [1, с. 131–132].

При этом даже в рамках такого взвешенного подхода отправка русских за рубеж считается провальной. Некоторые современники думали так же.

Один англичанин писал в 1724 г., что русские ученики за границей вели праздный образ жизни, развлекались в кабаках, игровых заведениях, очень мало бывая в море, когда же их экзаменовали, они показывали лишь зачаточные знания, необходимые морякам [1, с. 132]. И таких свидетельств довольно много. Вот, например, отзыв ван дер Бурга, наблюдавшего за русскими учениками в Голландии: «Михаил Муравьев все ходит по шляхам и других подбивает. Яков Аксентьев со всеми дерется. Алексей Тищенко во все время пьян. Он выбрался по веревке из своей комнаты, а сейчас просится назад. Работают они хорошо и с пониманием, но на работу ходят не всякий день. Пошлите, пожалуйста, указ, чтобы они не пили и не ходили бы по шляхам и чтобы каждый день были на работе, как все голландцы. А если не придут, то придется отослать их назад, что было бы жаль, так как они уже многому научились. В этой стране они много вольности выучили. <...> Я могу внушить им силой страх к себе, но заставить их уважать своих учителей, их жен и даже правительство я не в силах» (цит. по: [3, с. 144]).

Такие же отзывы можно услышать и из уст россиян. Царский резидент в Лондоне Фёдор Веселовский писал в сентябре 1718 г. «Ремесленные ученики последней присылки приняли такое самовольство, что не хотят ни у мастеров быть, ни у контрактов или записей рук прикладывать, но требуют возвратиться в Россию без всякой причины, также просят великого себе жалованья, и больше того, как прежним их товарищам определено, а именно по два ефимка английских на четверть года (на праздничную забаву, ибо мастера обязаны были одевать их и кормить пять лет. – С. М. Соловьев). И хотя я их добром и угрозами уговаривал, чтоб они воле вашего величества послушны были, однако ж они в противности пребывают, надеясь на то, что я их наказать не могу без воли вашего величества и что, по обычаю здешнего государства, наказывать иначе нельзя как по суду» (цит. по: [4, с. 710–711]). (Любопытный образчик восприятия россиянами достижений западной модернизации!)

В составленном Петром в 1723 г. «Объявлении нашим подданным российским людям обретающимся в Англии в разных науках» сам император подтверждает наличие оснований для таких отзывов: «Понеже Мы о вас милосердуя и хотя вас научить потребным и лутчим художествам, послали вас для науки оным художествам в Англию на наше иждивение, на которое уже истрачено немалое число денег, и надеемся от вас за то службы в нашем государстве. Но ныне как пришло время возвращать вас в отечество то ведомо нам учинилось что некоторые из вас будто бояся наказания за непотребное житие в Англии опасаятца ехать по нашему указу во отечество; того для сим всемилостивейше повелеваем вам чтоб по нашему указу когда станет господин Голден купец аглинской вас отправлять в Росию чтоб без всякого прекословия ехали во отечество, без всякой боязни, понеже Мы всех хотя кто что и непотребно зделал во всем прощаем и милостиво обнадеживаем что никакого истязания не понесут но паче милостиво будут приняты, как уже некоторые из вас придя сюда дела свои чему учили отправляют, и награждены нашим жалованием и домами и удостоены в первыя материи тех дел чему обучались» [5, л. 478–478 об.].

Однако имелись и совершенно противоположные оценки. Например, Александр Гордон, генерал-майор русской службы, высоко оценивал представителей знати, учившихся за границей. По его отзыву, большинство из них оставались там семь лет, пока не становились отличными специалистами, и по возвращении занимали свое место на сухопутной или морской службе. Большая часть превращалась в воспитанных джентльменов, говоривших на многих языках. Сам Пётр соглашался с Гордоном, считая, что моряки русской крови, прибывавшие из иных стран, возвращались умелыми людьми, благодаря чему «отдаленнейшие потентаты выказывают нам величайшее уважение» [1, с. 132–133].

Неоднозначные оценки результатов заграничного обучения объясняются помимо личных пристрастий тех или иных «цензоров» значительным количеством проблем, связанных с его организацией и самим процессом. Прежде всего сами «волонтеры» воспринимали открывшиеся перед ними возможности по-разному. Для многих из них пребывание в иных странах было сопряжено с большим стрессом в силу значительной цивилизационной разницы и долговременной изоляции страны в предшествующий период. Соответственно, не каждый оказывался готовым и годным к таким испытаниям. Ведущим мотивом добровольного приобщения к морским наукам, как правило, являлось стремление угодить царственному флотоводцу (самый показательный, но далеко не единственный пример – Пётр Андреевич Толстой).

Следует помнить, что, если для россиян такая практика карьерного роста была в новинку, ничего необычного в посылке молодых людей для обучения за границу в то время не было. В самой Европе моряки обучались своему ремеслу на практике. Школы математические и навигацкие только начали появляться в Англии, Франции (и вскоре в Москве), и еще во второй половине XVIII в. они считались вспомогательными по отношению к практике [1, с. 134]. Кроме того, несомненно, свое влияние на широту распространения такой формы обучения в России оказали личные пристрастия Петра, предпочитавшего практику теории, по крайней мере в первые годы своего самостоятельного правления (позднее он осознает необходимость привития в России фундаментальной науки и теоретического образования и составит проект Академии) (правда, перекося в сторону практики и у юного Петра не был однозначным. Приступив к работе на голландских верфях, царь-плотник вскоре разочаровался в здешнем способе кораблестроения, основанном на непосредственной передаче навыков, и уехал в Англию, где мастера работали по чертежам, основанным на теоретических знаниях [6, с. 400–401]. Так что царственный мастерской с самого начала задумывался не только о получении знаний, но и о создании условий его распространения. Стоит вспомнить и о том, что практическая ориентация была одной из ведущих тенденций в образовательных теориях того времени). Тем более что в конце XVII в. и особенно с началом Северной войны самой острой проблемой была нехватка специалистов именно практического профиля: сухопутных и морских офицеров, дипломатов, инженеров и т. п.

Постепенно русские дворяне привыкали к такой форме обучения, что вполне объяснимо: сталкиваясь, подчас насильно, с новыми условиями жизни, они рано или поздно фиксировали актуально-моментальные установки (в терминологии школы Д. Узнадзе), не имея возможности избежать этих процессов. А. Г. Брикнер приводит выдержку из письма некоего аристократа своему сыну, обучавшемуся в Голландии: «Нынешняя посылка тебе сотворится не в оскорбление или какую тягость, но да обучишься в таких науках, в которых тебе упражняться довлеет, дабы достойна себя сотвориша ему, великому государю нашему, в каких себе услугах ты изволишь употребити; понеже великая есть и трудная преграда между ведением и неведением» [7, с. 233]. Конечно, показательно, что и здесь имеется отсылка на желание угодить царю, но ничего необычного в нем, собственно, для придворных любой страны не было. Характерно и то, что отцу приходится убеждать сына (а может быть, и себя самого) в

отсутствии бесчестия в таком поручении. Перечисляя предметы, которые стоит прилежно учить (немецкий и французский языки, арифметика, математика, архитектура, фортификация, география, картография, астрономия и пр.), отец дает разрешение и на приобщение сына к европейской дворянской культуре: «Не возбраняю же тебе между упражнением в науках, ради обновления жизненных духов и честные рекреации имети в беседах своих товарищей от лиц благоценных, честных; овогда же комедиях, операх, кавалерских обучениях, как со шпагою и пистолетом владети, на коня благочинно и твердо сидеть, с коня с различным ружьем владеть, и в прочих подобных тем честных и похвальных обучениях забаву иметь» [7, с. 233].

Важно иметь в виду, что нерадивость не была единственной причиной негативного отношения «волонтеров» к учебе (более того, антисоциальное, разгульное поведение являлось «нормой» для европейского студенчества того времени, так что русские ученики не были исключением (см. об этом: [8])). В РГАДА, в Кабинете Петра I, неоднократно встречаются письма русских учеников с жалобами на тяжкую ситуацию, в которой они оказались, в том числе и из-за непродуманной политики правительства, отражавшей все особенности эпохи реформирования. Вот, например, письмо Григория Турченинова царю, написанное в 1714 г.: «Державнейший царь государь милостивейший. По именному вашему всемилостивейшему указу послан иа нижеименованный во Англию для обучения навигации и практики морского ходу в 1704-м году под команду в снабдении господина Томаса Стелса, и во все свое время был я в том в вышепомянутом обучении и практике на торговом и воинских кораблях в (неразборчиво. – *О. М.*) и в Вест Индии, и по обучении своем просил у господина Стелса года подва дабы иа отпущен был в отечество наше в службу вашего царского величества и он господин Стелс меня не отпустил а сказал что указа де еще нет об тебе, и паки по прибытии моем в Лондон сего 1713-го году в июле месяце такожде просил же его об отправлении... (здесь и далее текст испорчен. – *О. М.*) все это время живу в Лондоне безденежно и почти лишен дневные пищи... а от господина Стелса... не имел... а пищу... все время в долг а которым я... должен и оне меня брали и в турму и насилу великую освободился до отповеди вашего царского величества.

Всемилоостивейший великий государь прошу вашего величества дабы повелел свой всемилостивейший указ послать сюда долги мои заплатить и отправить меня во отечество наше в службу вашего царского величества чтоб мне не пропасть в конец здесь и не умереть з голоду в тюрьме. Вашего

величества низжайший раб Григорий Турченинов» [9, л. 198–198 об.].

В 1715 г. подобное письмо написал Алексей Зверев: «Державнейший царь государь милостивейший.

В прошлом 1707-м году по имянному вашего царского величества указу посланы мы двенадцать человек из Санктпитебурха математико навигацкой школы ученики в Англию ради практики навигации на аглинских воинских кораблях. В том числе и нижеподписавшийся послан был. По отъезде моем от города Архангельского до Лондона взят был в полон французским шкипером и приведен был в Дониеж и был там вторые двенадцать месяцев. После того свободен вон и по прибытии моем до Лондона явился купцу Томасу Стелсу прочтя данные нам статьи вашего царского величества. Которой купец выдав мне вашего царского величества определенного жалования по осми ефимков на месяц за два годы итого сто девяносто два ефимка. Через его господина Стелса прошение ко адмиралтии отпределнн иа был по указу ея величества королевы Анны на военной корабль ради вышепомянутой практики. И был на море от первого числа марта 1709-го до седмаго над десятью октября 1714 года и с прилежанием обучался. И по прибытии моем с моря в Лондон явился вашего царского величества полномочному послу князь Борису Ивановичю Куракину и всепокорно просил его о отправлении моем до Санктпитебурха и он и сперва обещал. И при отъезде его от Лондона в Галандию просил иа его еще о томже и он весма мне отказал указу де иа его царского величества о отправлении навигаторов от Лондона до Санктпитебурха не имею а имеет де такой указ господин Салтыков, который в то время был в Лондоне и уже он многих навигаторов отсель отправил. Посем иа иавился господину Салтыкову и о отправлении своем до Санктпитебурха всеуниженно просил которое он все обещал исправить усмотря к тому подобное время. Иа надеясь на то его обещание во отправлении моем жду здесь в Лондоне ужо больше одиннадцати месяцев и вошел в некоторые долги за постоялое дому за пищу и одежду за которые долги в малое время буду вброшен в тюрьму. Понеже верили мне в тех долгах по кредитному слову господина Салтыкова, а ныне он сего месяца второго числа умер и ничего о отправлении моем не учинил и топере никакого способу себе не откого здесь не имею.

Всеуниженно и слезно прошу вашего царского величества дабы повелели послать свой милостивой указ к господину барону... или к кому ваше царское величество укажете о заплате моих помянутых долгов и о отправлении моем отсель до Санктпитебурха или куда ваше царское величество изволите указать чтоб мне небыть лишену службы вашего царского величества.

Вашего царского величества всеуниженнейший и всепокорнейший раб Алексей Зверев» [10, л. 211–211 об.].

Проблема так и не приобрела системного решения до конца правления Петра, как видно из письма Джеймса Шпельмана от 1721 г.: «Пишет из Лондона Самойла Голден декабря от 13 дня 1720-го году что 7 или 8 учеников русских в генваре месяце 721-го году определенное время в науке окончат, и в то время как они отойдут от мастеров надобно им на пропитание денег и одежда до отправления их в Санкт Питербурх, а ныне они имеют на себе долгу по 9 и по 10 фунтов, которые надобно в самой скорости заплатить, а ежели будут незаплачены, то заарест будут посажены, и потом выкуп может быть вдвое или втрое убыточнее;

Когда время придет отпускать их в Россию, тогда надобно немалая им денги на покупку инструментов и прочих потребностей к их мастерствам и для того требует на заплату долгов и на покупку инструментов, и на отправление денег 2000 рублей, которым пришлет щет;

Понеже содержание русских учеников отправлялось чрез него Голдена в чем немалой труд имел того ради просит чтоб царское величество пожаловал ево за те труды приказал наградить по своему рассмотрению; James Spelman» [5, л. 220–220 об.].

Внизу письма наложена резолюция: «Генваря в 14 послан указ в кабинет Соляного правления чтоб вышеписаному Шпелману выдать из соляных денег для перевода в Лондон 1000» [5, л. 220 об.]. То есть каждый случай рассматривался отдельно и выплаты шли из случайных источников. Проблема эта была много шире и касалась не только «волонтеров»: Е. В. Анисимов отмечает, что жалование даже для чиновников центральных государственных учреждений при Петре так и не приобрело характера регулярных выплат, так что его надо было каждый раз выпрашивать путем подачи челобитных [11, с. 83–84]. К Соляной конторе обращались в таких случаях довольно часто, так как доходы от торговли солью, одной из важнейших статей, поступали напрямую в Кабинет е. и. в. [12, с. 289].

Политика Петра в сфере материального обеспечения русских учеников был противоречивой и носила отпечаток известной бережливости государя. Царь был уверен, что денег, выделяемых им казной, должно быть достаточно, избыток же финансовых средств, по его мнению, отвлекал учащихся от основного занятия, как видно из указа, посланного 7 сентября 1710 г. московскому губернатору князю Гагарину: «Понеже уведомились мы, что к посланным за море в науку вашей братья детям, которые с князь Иваном Львовым, переводят отцы их, и братья и протчие свойственники, для довольства им, вексели чрез иноземцов на великое число

денег мимо Адмиралтейского приказа, от чего они там живут в воле и гуляют, а ученья принимают мало, того для объяви указ под великим штрафом всем тем господам, чьи там дети есть и кто переводят на довольство им денги, дабы никто не имел дерзновения переводить туда векселей собою, мимо Адмиралтейского приказа. Также и иноземцом запретить, дабы никто в такие весели не вступал, не объявля в Адмиралтейском приказе; а кто дерзнет мимо того приказа, и на таких взяты будут штрафы» [13, с. 323].

И все же факты говорят об успешных результатах заграничного обучения. По указу 1696 г. о посылке на учебу за границу поехало 39 стольников в Италию, 22 – в Голландию и Англию, 40 % из них – с княжескими титулами, все, кроме одного, представители виднейших семейств. Всего обучение прошли около 60 человек, т. е. 30 % посольства. Большинство сделали успешную карьеру. После посольства учеников посылалось гораздо меньше, но фактически в годы правления Петра представители всех знатных семейств побывали за границей [14, с. 11–13].

Но вот что интересно: никто из стольников-«волонтеров» «первого призыва», главной задачей которых было обучение морскому делу, не стал флотоводцем. Это произошло, как считает М. Дж. Окенфусс, потому, что они не получили достаточной подготовки: возможно, курс обучения был слишком кратким или помешал значительный возраст. П. А. Толстому было 52, его направили послом в Турцию, Ю. Ю. Трубецкому и Д. М. Голицыну – 29 и 32, они стали чиновниками и сенаторами, М. А. Матюшкину – 21, он дослужился до генерала. Нет сведений, чтобы кто-то из «волонтеров» стал постоянным учителем навигации в России (однако люди, имевшие отношение к передаче усвоенных знаний, среди «волонтеров» были. Так, например, Григорий Скорняков-Писарев, рядовой бомбардир, после взятия Азова был отправлен в Италию при князе Иване Урусове. Вскоре Пётр перевел его в Берлин. По возвращении в 1699 г. Григорий Григорьевич был признан столь знающим специалистом, что в течение 20 лет наблюдал за теоретическим обучением в бомбардирской роте, Морской академии и даже в цифирных школах в провинциях. Составил первый в России краткий учебник «Наука статическая или механика» [15, с. 276]). Но, однако, очевидно, что те, кто обучался за границей, в дальнейшем составили цвет новой управленческой элиты [1, с. 136].

Дело, как кажется, не только в возрасте. Как отмечает М. В. Бабич, Петром больше всего ценились как раз не «узкие специалисты», но «многостаночники» (речь, конечно, идет об управленцах, а не о мастеровых): «Универсальность соответствовала государственному заказу в том смысле, что

центральный аппарат испытывал потребность в специалистах именно общего управления, успех которых определяли организаторские способности, опыт и высокая степень моральной и физической выносливости» [16, с. 11]. Таких людей, получивших важные посты 7–10 раз, помимо знаменитых «принципалов» – Ф.М. Апраксина, Я.В. Брюса, П.А. Толстого и Б.К. Миниха, было около 20 человек.

Подобная форма назначений имела сходство с той, что существовала в Московской Руси. Е.В. Анисимов отмечает, что «основой приказной организации с древних времен был „приказ“ – поручение, которое давалось государем конкретному лицу. Система служебных поручений была важнейшей и фактически единственной формой исполнения служилым человеком своих обязанностей перед государем и государством» [11, с. 46]. Однако в петровскую эпоху происходят важные изменения: царь-реформатор стремился к возможно более полной регламентации всех сторон деятельности управленческого аппарата, ранее фактически отсутствовавшей.

Таким образом, в первую очередь, востребованность разносторонне одаренных администраторов была вызвана переходным характером эпохи, когда специалисты «традиционного профиля» переставали соответствовать требованиям момента, а времени для подготовки необходимого числа «узких специалистов» не было (хотя, конечно, наличие подобной традиции в прошлом наверняка также сыграло свою роль). И действительно, обучение, протекавшее часто в весьма экстремальных условиях, могло служить хорошей школой для тех, от кого требовалось прежде всего умение принимать нестандартные решения и исполнять ответственные поручения (между прочим, принцип «универсализма» распространялся не только на управленческую элиту. Как справедливо отмечает В.А. Артамонов, «свой универсализм Пётр I распространил на армию – его солдаты строили, умело ходили на галерах, пехота сражалась на конях, конница стреляла из пушек» [17, с. 36]). Нельзя сбрасывать со счетов и разносторонность профессиональных навыков самого царя-реформатора, делавшую особенно востребованными аналогичные качества его сподвижников. Однако с годами Пётр все чаще посылает за границу учеников для получения самых разных конкретных профессиональных навыков.

В целом образовательная политика Петра отражала типичные черты российского реформирования: находясь в ситуации отсутствия в обществе соответствующих установок на активное получение светского знания, Пётр действует авторитарно-приказными методами. Весьма показательна история, участниками которой стали члены клана Ше-

реметевых. Василий Васильевич Шереметев, племянник знаменитого фельдмаршала, должен был по царской «разнарядке» в 1709 г. отправиться на учебу в Англию, однако пытался уклониться от этой «почетной обязанности», женившись против царской воли на дочери Ф. Ю. Ромодановского Ирине Фёдоровне и надеясь на заступничество тестя (3 августа 1709 г. Пётр писал Б. П. Шереметеву: «Ныне получили мы ведомость, что за Василья Шереметева князь Фёдор Юрьевич дочь свою выдал. А мы прежде сего приказывали вам, чтоб того не чинить и о том отписать к Москве. Очем изволь нас уведомить, в котором числе вы о том писали к брату своему» [18, с. 333]). А вот письмо царя от 13 августа Ф. Ю. Ромодановскому: «Sire. Письмо вашего величества я получил на приезд полуполковника господина Долгорукова. При том же в оном письме означен якобы брак тщери вашей и чтоб зятю вашему не ехать для ученья на год, что я с печалью принял. И паче не верю оному, ибо пред сим, как брак сына вашего, так и старшей тщери, никогда утаен от нас не был. И мною сие письмо на гнеф или ругание прислано. Того ради никакого зятя знать не можем, ибо никому о том не явлено по обычаю. Peter» [18, с. 343]). Царь отреагировал крайне жестко. Самого «уклоняющегося» (предшественника фонвизиновского Митрофанушки) велено было выслать на учебу, если понадобится и под конвоем (именной указ Петра от 22 августа 1709 г. Т. Н. Стрешневу: «По прежнему своему великого государя имянному указу Василья Петрова сына Шереметева сына ево Василья выслать с Москвы для науки за море, с сего числа кончая в неделю. А буде он в те числа с Москвы не поедет, и ево выслать до Архангелского города за провожатым» [19, с. 1183]).

Влияние петровских образовательных экспериментов на состояние российской управленческой элиты в историографии оценивается неоднозначно. Современный исследователь Д. О. Серов видит его сугубо негативным, акцентируя внимание на разгуле «чиновничьего беспредела», не знакомого предыдущему столетию. Историк выделяет следующие причины расширения злоупотреблений: увеличение аппарата без обеспечения его профессиональной подготовки, как следствие – размывание прослойки компетентных чиновников «старой закалки», что, в свою очередь, вело к падению культурного уровня, разрыву с лучшими традициями (высокий престиж, компетентность, ответственность) при сохранении худших – мздоимства и пренебрежения к закону; снижение престижа гражданской службы из-за милитаризации. «На место уважаемого за его уникальную квалификацию ответственного исполнителя пришел безликий, невежественный, фатально коррумпированный чиновник новой формации, прин-

ципиально неотличимый от своего преемника 1840-х или 1970-х гг.» [20, с. 11–12].

На самом деле, как представляется, все перечисленные негативные характеристики являлись не результатом реформ, но типичными чертами переходной эпохи (не только петровской и не только в России). То, что именно эти качества закрепились в дальнейшем, косвенно свидетельствует о том, что они существовали на уровне единой нефиксированной установки (в терминологии Д. Узнадзе) и ранее имели место не в столь уж малых масштабах, как это видится Д. О. Серову. Понятия «московская волокита» и «московский тотчас» появились вовсе не при Петре (хотя и при нем не исчезли). Скорей всего, изменились лишь масштабы лихоимства да, может быть, царем-работником чаще инициировались процессы по их искоренению (достаточно вспомнить, что только при Петре стало возможно выделение взяточничества как вида преступления, так как ранее всякого уровня чиновники существовали за счет подношений). Говорить о том, что на смену чиновникам, обладавшим столь замечательными качествами, как «высокий престиж, компетентность, ответственность», пришли совершенно иные люди, таковыми качествами не обладавшие, не приходится. Е. В. Анисимов в своем скрупулезном исследовании убедительно показывает большую долю кадровой преемственности в новых петровских управленческих структурах [11].

Представляется, что если не иметь заведомой предубежденности «неославянофильского» толка, то можно увидеть и совершенно иные последствия петровского «образовательного прорыва» в Европу. Т. В. Черникова и Я. В. Вишняков, например, подчеркивают, что в итоге петровской деятельности по распространению образования в России начинает складываться думающее, в XVIII вв. преимущественно дворянское, общество, которое в ходе многочисленных переворотов постепенно добывается все больших прав, в том числе и частной собственности на землю, что подрывало вотчинный уклад [21, с. 257–258]. Представить себе Российское государство XVIII–XIX вв. без европейски образованной элиты, стоявшей у руля политики, культуры и идеологии, невозможно. Опасения современников и самого Петра за судьбу его преобразований в целом оказались напрасными (ограниченность достижений в основном рамками правящего сословия – вина не только Петра, но и самой природы российского самодержавия, опиравшегося на одну-единственную общественную силу – дворянство (см. об этом: [22]).

При всей одиозности образа петровских управленцев, погрязших в коррупции, интригах, пьянстве и других пороках, время реформ выработало особый психологический тип представителя элиты, горящего своим участием в активных

преобразовательных процессах, изменивших образ страны. Без них те широкомасштабные изменения, которые в краткие сроки произошли в России при Петре, были бы, безусловно, невозможны (при всей огромной и ведущей роли самого царя-реформатора, не стоит полностью поддаваться обаянию его харизмы Демиурга, якобы собственными руками выстроившему новую страну и новый народ). И. Голиков записал слова И. И. Неплюева, сказанные им Екатерине II, которая соглашалась отпустить престарелого сенатора и конференц-министра в отставку только после того, как он назовет себе достойного преемника: «Нет, государыня, мы, Петра Великого ученики, проведены им сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а ныне инако воспитываются, инако ведут себя и инако мыслят; итак, я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться» [23, с. 448]. Показательно и письмо Неплюева своему сыну, написанное в предчувствии кончины, в котором он подчеркивает качества, почитаемые им важнейшими для служилого россиянина: «Сохраняй в совершенстве верность твою к ее величеству и к учреждаемым от нее и чрез нее наследникам; наблюдай правду во всех твоих делах и поступках, хотя бы иногда и неприятное что тебе за то понести случилось; ведай, что Бог и ее величество правды твоея будут покровители: если не в это время, то после чрез них тебе откроется. Люби свое отечество, от коего весь род твой благодетельствован был и потомки будут, и в защищении того пользы не щади не токмо благосостояния, но и жизни. Я по всей возможности сим шел путем, мой любезный сын...» [23, с. 444].

Действительно, несмотря на то что дворянство после Петра постоянно и вполне успешно добивалось свободы от какой-либо «общественной нагрузки», у значительной его части выработались установки на карьеру, гражданскую или военную, причем именно в парадигме «служения отечеству», которые полностью уже не уйдут даже после отмены обязательной службы. Конечно, стремление сделать карьеру было свойственно и допетровской знати, однако, как отмечалось выше, из-за последовательного подавления в России аристократического начала военный этос в среде дворянства как таковой отсутствовал. Теперь же под влиянием образования и европейской прививки ситуация меняется – отсюда и Суворов, и герои 1812 г. Здесь показательна именно добровольность, которая и свидетельствует о возросшем самосознании дворянства, как в том числе и даже в первую очередь сословия военного (и остававшегося таковым вплоть до введения всеобщей воинской повинности).

Таким образом, следует признать, что начальная фаза внедрения в России европейского образования в

форме посылки учеников за рубеж при всех недостатках ее организации сыграла большую роль в развитии модернизационных тенденций, способствуя привитию в среде элиты начатков западной рационализации. Непосредственное знакомство с европейской цивилизацией часто значило более, нежели домашнее «академическое» образование. Кроме того, четко поставлен-

ные Петром перед «волонтерами» цели служения «общей пользе» породили столь важные в перспективе начала гражданственности, свойственные цвету российского дворянства. Более того, совершенно не случайно именно в среде дворянства впервые появятся на русской почве идеи демократического переустройства общества (Радищев, декабристы).

Список литературы

1. Okenfuss M. J. Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great // The Eighteenth Century in Russia / ed. by J. G. Garrard. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 131–145.
2. Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Фоккеродт И., Берхгольц Ф. Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9–104.
3. Дриссен Й. Царь Пётр и его голландские друзья: пер. с голл. СПб.: Образование – Культура, 1996. 176 с.
4. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1703 – начало 20-х годов XVIII века. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. Кн. 8. 832 с.
5. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I, оп. 2, ч. 2, кн. 53.
6. Петр I. Предисловие к морскому регламенту // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: Типография II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1958. Т. 2. Потешные и Азовские походы. С. 397–401.
7. Брикнер А. Г. История Петра Великого. М.: СТД, 2007. 640 с.
8. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М. Знак, 2005. 432 с.
9. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I, оп. 3, ч. 2, кн. 22.
10. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I, оп. 3, ч. 2, кн. 25.
11. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 332 с.
12. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза / отв. ред. Н. М. Дружинин. М.: Наука, 1964. С. 281–319.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10: январь – декабрь 1710 года. 872 с.
14. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М.: Росспэн, 2007. 368 с.
15. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. 579 с.
16. Бабич М. В. Правительственная среда и комиссии петровского времени // Петровское время в лицах: краткое содержание докладов научных чтений. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000. С. 7–12.
17. Артамонов В. А. От царства к империи. Изменение державной мощи России при Петре Великом // Пётр Великий – реформатор России / отв. ред. Н. С. Владимирская. М.: Известия, 2001. С. 34–39.
18. Письма и бумаги императора Петра Великого / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 9, вып. 1: январь – декабрь 1709 года. 527 с.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 9, вып. 2: январь – декабрь 1709 года. 1090 с.
20. Серов Д. О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1996. 263 с.
21. Черникова Т. В., Вишняков Я. В. Об эпохе Петра I и особенностях социокультурного пространства России // Перекрестки эпох: социокультурное пространство. М.: Технологическая школа бизнеса, 1999. Вып. 3. С. 223–262.
22. Мухин О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2013. Вып. 2 (130). С. 142–149.
23. Неплюев И. И. Записки // Я. Шаховской, В. Нащокин, И. Неплюев. Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–472.

Мухин О. Н., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: himan1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 28.11.2013.

O. N. Mukhin

THE ROLE OF PETER I'S EDUCATIONAL POLICY IN THE RUSSIAN MODERN TIMES MODERNIZATION PROCESSES

The article deals with the first form of implementation of European education, introduced by Peter I – Russian students sending abroad. It gives the opinion on the effectiveness of this policy, as expressed by his contemporaries, and researchers. The author assesses the learning outcomes “volunteers” from the point of view of their influence on the course of modernization processes in Russia New time. The author views the results of “volunteers” learning in terms of its influence on the course of modernization processes in Russia in modern times. The author used previously unpublished archival material.

Key words: *Petrine era, education, reforms, modernization, elite.*

References

1. Okenfuss M. J. Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great. The Eighteenth Century in Russia. Ed. by J. G. Garrard. Oxford, Clarendon Press, 1973. Pp. 131–145.
2. Fokkerodt J. G. Russia under Peter the Great. Furious reformer. Moscow, Fond Sergeya Dubova Publ., 2000. Pp. 9–104 (in Russian).
3. Driessen J. Tsar Peter and his Dutch friends. St. Petersburg, Obrazovanie - Kultura, 1996. 176 p. (in Russian).
4. Soloviev S. M. History of Russia since ancient times. 1703 – the beginning of the 20-s of the XVIII century. Moscow, AST Publ.; Kharkov, Folio Publ., 2001, vol. 8. 832 p. (in Russian).
5. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. I, inv. 2, part 2, vol. 53 (in Russian).
6. Peter I. Preface to the Maritime regulations. Ustrialov N. History of the reign of Peter the Great. St. Petersburg, 1858. Vol. 2: Comical and Azov campaigns. Pp. 397–401 (in Russian).
7. Brickner A. G. History of Peter the Great. Moscow, STD Publ., 2007. 640 p. (in Russian).
8. Andreev A. Yu. Russian students at German universities XVIII – early XIX century. Moscow, Znak Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
9. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. I, inv. 3, part 2, vol. 22 (in Russian).
10. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. I, inv. 3, part 2, vol. 25 (in Russian).
11. Anisimov E. V. State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of XVIII century. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997. 332 p. (in Russian).
12. Troitsky S. M. Financial Policy of Russian Absolutism in the second half of the XVII and XVIII century. Absolutism in Russia (XVII–XVIII centuries): Com. of Articles on seventieth birthday and forty anniversary of research and teaching of B. B. Kafengauz / ed. by N. M. Druzhinin. Moscow, Nauka Publ., 1964. Pp. 281–319 (in Russian).
13. Letters and papers of Emperor Peter the Great Ed. B. B. Kafengauz. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1956. Vol. 10, January – December 1710. 872 p. (in Russian).
14. Alekseeva E. V. Diffusion of European innovation in Russia (XVIII – beginning of XX century). Moscow, Rosspen Publ., 2007. 368 p. (in Russian).
15. Pekarsky P. Science and Literature in Russia under Peter the Great: 2 vol. St. Petersburg, Izdanie tovarishchestva “Obshchestvennaya Polza” Publ., 1862. Vol. 1: Introduction to the history of education in Russia of XVIII century. 579 p. (in Russian).
16. Babich M. V. Government environment and the Commission of Peter's time. Petrine time in faces: summary of the reports of scientific readings. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2000. Pp. 7–12 (in Russian).
17. Artamonov V. A. From kingdom to the empire. Changing of Russia mighty power under Peter the Great. Peter the Great – Russian reformer / ed. by N. S. Vladimirskaia. Moscow, Izvestiya Publ., 2001. Pp. 34–39 (in Russian).
18. Letters and papers of Emperor Peter the Great / ed. B. B. Kafengauz. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1950. Vol. 9, no. 1: January – December 1709. 527 p. (in Russian).
19. Letters and papers of Emperor Peter the Great / ed. B. B. Kafengauz. Moscow-Leningrad, AS USSR Publ., 1952. Vol. 9, no. 2: January-December 1709. 1090 p. (in Russian).
20. Serov D. O. Empire builders: Essays on state and criminal activities of Peter I's companions. Novosibirsk, NSU Publishing House, 1996. 263 p. (in Russian).
21. Chernikova T. V., Vishnyakov Ya.V. On the epoch of Peter I and features of Russian cultural space. Eras Crossroads: Socio-cultural space. Moscow, Technological School of Business Publ., 1999. Iss. 3. Pp. 223–262 (in Russian).
22. Mukhin O. N. Absolutism vs Autocracy: returning to the definition of the concepts. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2013, vol. 2 (130), pp. 142–149 (in Russian).
23. Neplyuev I. I. Notes. Empire after Peter. 1725–1765. Moscow, Fond Sergeya Dubova Publ., 1998. Pp. 385–472 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: himan1@rambler.ru